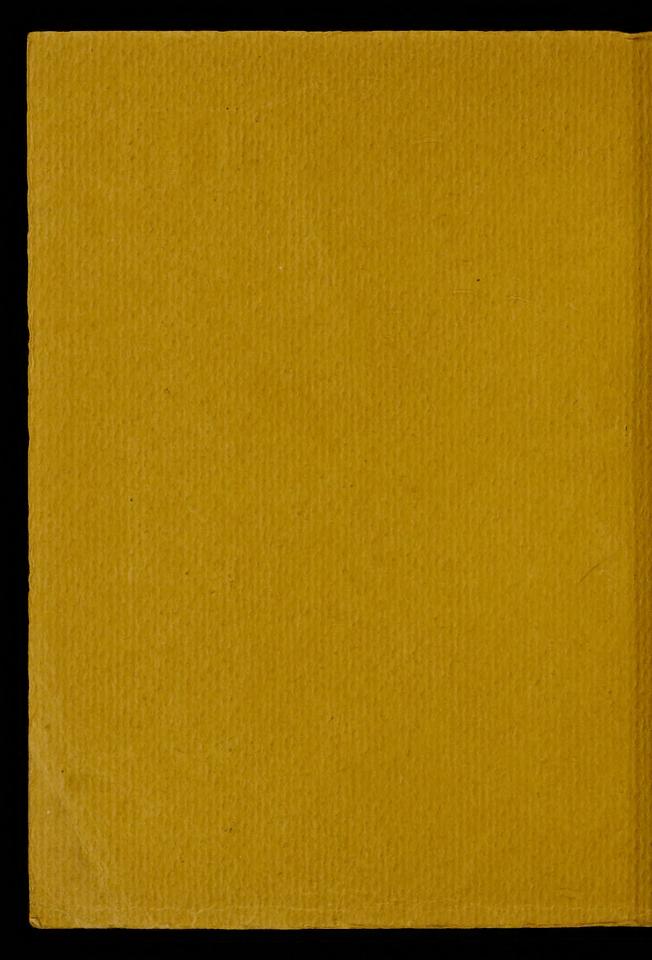
0 Б JI A K

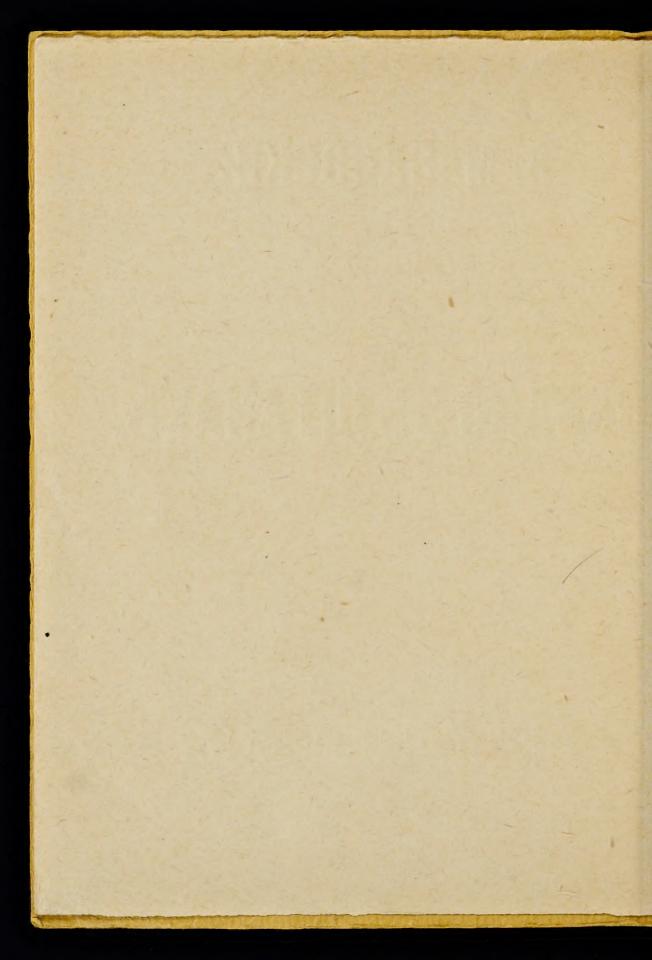
T A B H A 2.0 H3AAHIE BE3 HEH3VPH

В. МАЯКОВСКІЙ.

ОБЛАКО ВЪ ШТАНАХЪ.

ТЕТРАПТИХЪ.

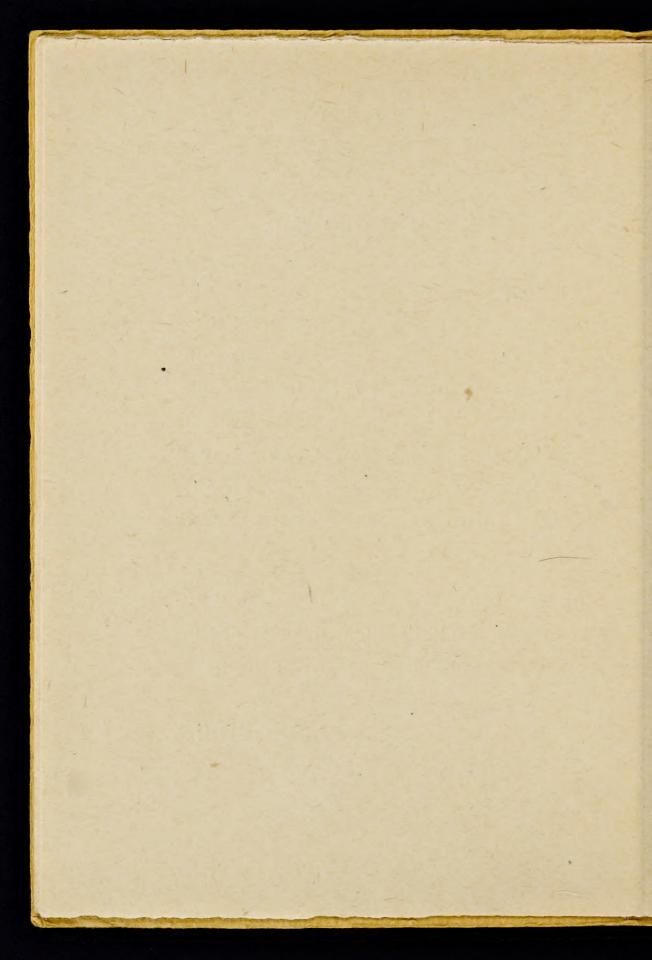
ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

"Облако въ штанахъ" (первое имя "Тринадцатый Апостолъ" зачеркнуто цензурой. Не возстанавливаю. Свыкся.) считаю катехизисомъ сегодняшняго искусства.

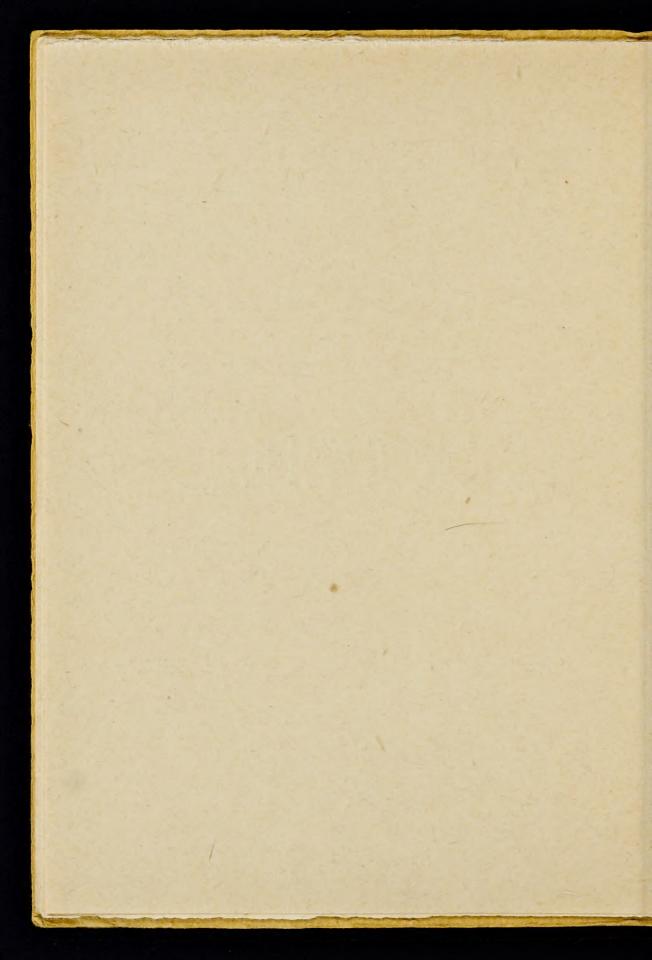
"Долой вашу любовь", "долой ваше искусство", "долой вашъ строй", "долой вашу религію"—четыре крика четырехъ частей.

Долгъ мой возстановить и обнародовать, эту искаженную и обезжаленную дореволюціонной цензурой книгу.

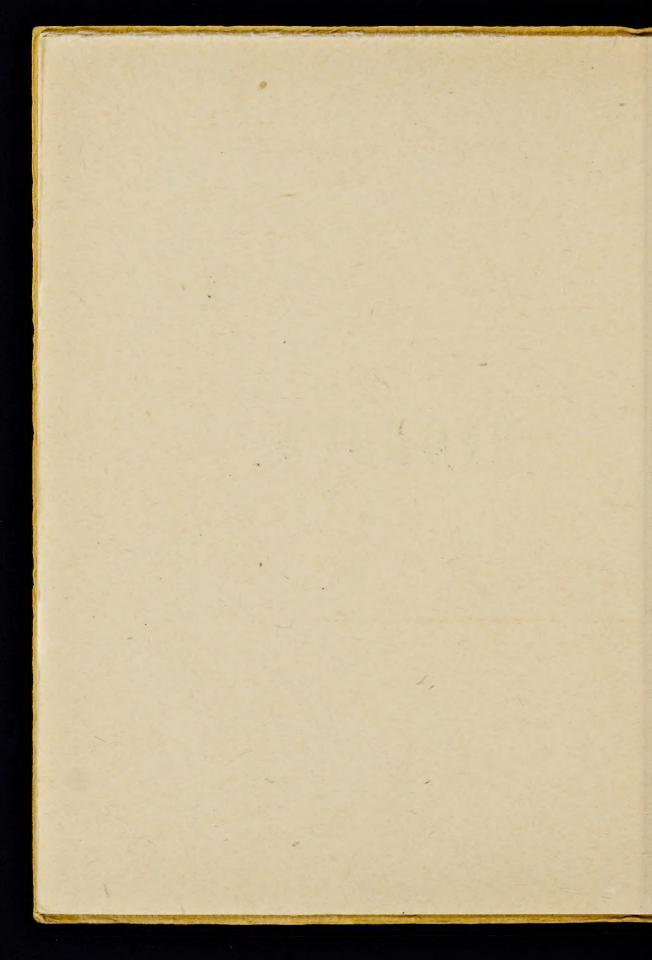
в. маяковскій.

ТЕБЪЛИЛЯ.

прологъ.

Вашу мысль, мечтающую на размягченномъ мозгу, какъ выжиръвшій лакей на засаленной кушеткъ, буду дразнить объ окровавленный сердца лоскутъ; досыта изъиздъваюсь, нахальный и ъдкій.

У меня въ душѣ ни одного сѣдого волоса, и старческой нѣжности нѣтъ въ ней! Міръ огромивъ мощью голоса, иду—красивый, двадцатидвухлѣтній.

Ньжные!

Вы любовь на скрипки ложите. Любовь на литавры ложитъ грубый. А себя, какъ я, вывернуть не можете, чтобы были однъ сплошныя губы!

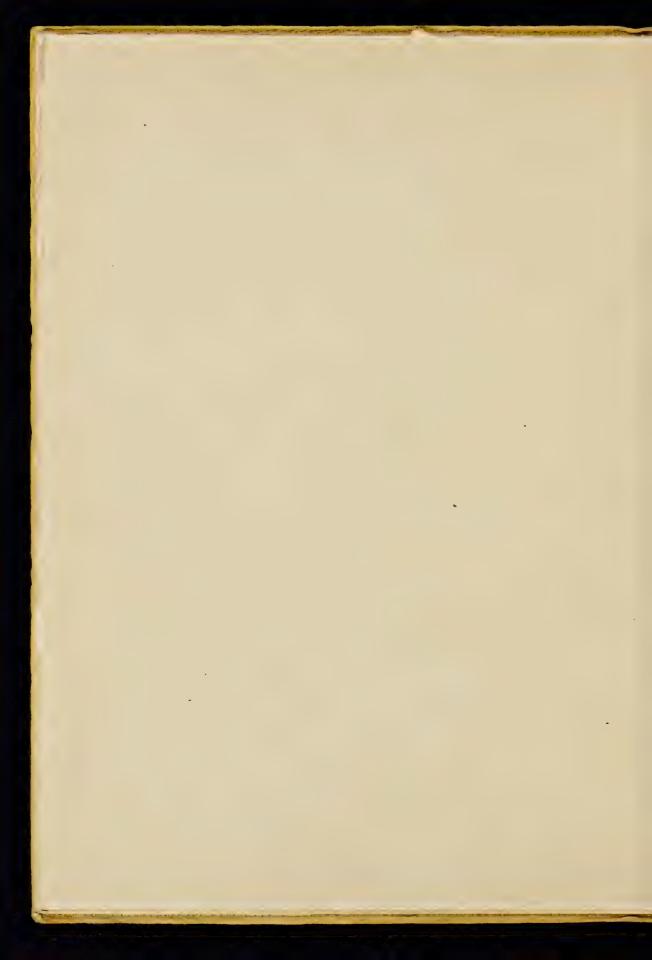
Приходите учиться — изъ гостиной батистовая, чинная чиновница ангельской лиги,

И которая губы спокойно перелистываетъ, какъ кухарка страницы поваренной книги.

Хотите, — буду отъ мяса бъшенный, — и, какъ небо, мъняя тона — хотите, буду безукоризненно нъжный, не мужчина, а — облако въ штанахъ!

Не върю, что есть цвъточная Ницца! Мною опять словословятся мужчины залежанные, какъ больница, и женщины истрепанныя, какъ пословица.

I.

Вы думаете, это бредитъ малярія? Это было, было въ Одессъ. "Приду въ четыре", — сказала Марія. Восемь. Девять.

Воть и вечеръ
въ ночную жуть
ушелъ отъ оконъ
хмурый,
декабрый.
Въ дряхлую спину хохочутъ и ржутъ
канделябры.

Меня сейчасъ узнать не могли бы: жилистая громадина стонетъ, корчится.

Что можетъ хотъться этакой глыбъ? А глыбъ многое хочется!

Вѣдь для себя не важно и то, что бронзовый, и то, что сердце — холодной желѣзкою. Ночью хочется звонъ свой спрятать въ мягкое, въ женское.

И вотъ, громадный, горблюсь въ окнѣ, плавлю лбомъ стекло окошечное. Будетъ любовь или нѣтъ? Какая — большая или крошечная?

Откуда большая у тѣла такого: Должно-быть, маленькій, смирный любеночекъ.

Она шарахается автомобильныхъ гудковъ. Любитъ звоночки коночекъ.

Еще и еще, уткнувшись дождю лицомъ въ его лицо рябое, жду, обрызганный громомъ мірового прибоя.

Полночь, съ ножомъ мечась, догнала, заръзала, — вонъ его!

Упалъ двънадцатый часъ, какъ съ плахи голова казненнаго.

Въ стеклахъ дождинки сърыя свылись, гримасу громадили, какъ будто воютъ химеры Собора Парижской Богоматери.

Проклятая!

Что же и этого не хватитъ? Скоро крикомъ издерется ротъ.

Слышу: тихо, какъ больной съ кровати, спрыгнулъ нервъ.

И вотъ,-

сначала прошелся едва-едва, потомъ забъгалъ, взволнованный, четкій. Теперь и онъ, и новые два мечутся отчаянной чечеткой.

Рухнула штукатурка въ нижнемъ этажъ.

Нервы большіе, маленькіе, многіе! скачутъ бъшенные, и уже у нервовъ подкашиваются ноги!

А ночь по комнатѣ тинится и тинится; изъ тины не вытянуться отяжелѣвшему глазу.

Двери вдругъ заляскали, будто у гостиницы не попадаетъ зубъ на зубъ.

Вошла ты `
ръзкая, какъ "нате",
муча перчатки замшъ;
сказала:
"Знаете,—
я выхожу замужъ".

Что жъ, выходите. Ничего. Покръплюсь. Видите, — спокоенъ какъ! Какъ пульсъ покойника.

Помните?

Вы говорили "Джекъ Лондонъ деньги, любовь, страсть". а я одно видълъ: вы—Джіоконда, которую надо украсть!

И украли.

Опять влюбленный выйду въ игры, огнемъ озаряя бровей загибъ.

Что же! И въ домѣ, который выгорѣлъ, иногда живутъ бездомные бродяги!

Дразните?

"Меньше, чѣмъ у нищаго копѣекъ, у васъ изумрудовъ безумій".
Помннте!
Погибла Помпея,
когда раздразнили Везувій!

Эй!
Господа!
Любители
святотатствъ,
преступленій,
боенъ,—
а самое страшное

Видъли, — лицо мое, когда я абсолютно спокоенъ?

И чувствую — "я" для меня мало. Кто-то изъ меня вырывается упрямо.

Allo! Кто говоритъ! Мама?

Мама!

Вашъ сынъ прекрасно боленъ! Мама! У него пожаръ сердца. Скажите сестрамъ, Людъ и Олъ, ему уже некуда дъться.

Каждое слово, даже шутка, которыя изрыгаетъ обгорающимъ ртомъ онъ, выбрасывается, какъ голая проститутка изъ горящаго публичнаго дома.

Люди нюхаютъ, — запахло жареннымъ! Нагнали какихъ-то. Блестящіе! Въ каскахъ! Нельзя сапожища! Скажите пожарнымъ:— На сердце горящее лъзутъ въ ласкахъ.

Я самъ.

Глаза наслезненные бочками выкачу.

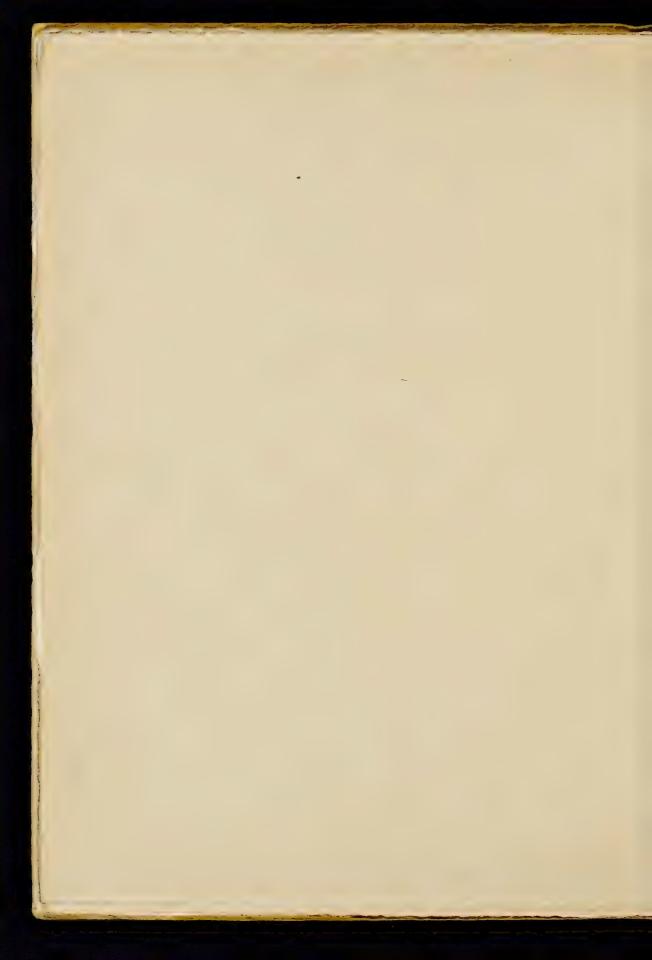
Дайте о ребра опереться. Выскочу! Выскочу! Выскочу!

Рухнули. Не выскочишь изъ сердца! На лицъ обгорающемъ
изъ трещины губъ
обугленный поцълуишко броситься выросъ.
Мама!
Пъть не могу.
У церковки сердца занимается клиросъ!

Обгорълыя фигурки словъ и чиселъ изъ черепа, какъ дъти изъ горящаго зданія. Такъ страхъ схватиться за небо высилъ горящія руки Лузитаніи.

Трясущимся людямъ
въ квартирное тихо
стоглазое зарево рвется съ пристани.
Крикъ послъдній,
ты хоть!
о томъ, что горю, въ стольтія выстони!

II.

Славьте меня!
Я великимъ не чета.
Я надъ всѣмъ, что сдѣлано, ставлю "nihil".
Никогда
ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги!

Я раньше думаль,—
книги дълаются такъ:
пришелъ поэтъ,
легко разжалъ уста,
и сразу запълъ вдохновенный простакъ,—
пожалуйста!

А, оказывается:— прежде чёмъ начнетъ пёться, долго ходятъ, размозолёвъ отъ броженія,

И тихо барахтается въ тинъ сердца глупая вобла воображенія.

Пока выкипячивають, риомами пиликая, изъ любвей и соловьевъ какое-то варево, улица корчится безъязыкая,— ей нечъмъ кричать и разговаривать.

Городовъ вавилонскія башни, Возгордясь, возносимъ снова; а Богъ города на пашни рушитъ, мъшая слово.

Улица муку молча перла. Крикъ торчкомъ стоялъ изъ глотки. Топорщились, застрявшіе поперекъ горла, пухлые taxi и костлявыя пролетки.

Грудь изпѣшеходили.
Чахотки площе.
Городъ дорогу мракомъ заперъ.
И когда—
все-таки!—
Выхаркнула давку на площадь,
спихнувъ наступившую на горло паперть.

думалось:

въ хорахъ архангелова хорала Богъ, ограбленный, идетъ карать! А улица присъла и заорала: "Идемте жрать!"

Гримируютъ городу Круппы и Круппики грозящихъ бровей морщь, а во рту умершихъ словъ разлагаются трупики,

Только два живутъ, жирѣя, "сволочь" и еще какое-то, кажется — "борщъ".

Поэты, размокшіе въ плачъ и всхлипъ, бросились отъ улицы, ероша космы: "Какъ двумя такими выпъть и барышню, И любовь, и цвъточекъ подъ росами?".

А за поэтами — уличныя тыщи: студенты, проститутки, подрядчики.

Господа! Остановитесь!

Вы не нищіе, вы не смѣете просить подачки!

Намъ, здоровеннымъ, съ шагомъ саженьимъ, надо не слушать, а рвать ихъ, ихъ присосавшихся безплатнымъ приложеніемъ къ каждой двуспальной кровати!

Ихъ ли смиренно просить: "Помоги мнъ!" Молить о гимнъ, объ ораторіи!

Мы сами творцы въ горящемъ гимнъ шумъ фабрики и лабораторіи.

Что мнѣ до Фауста, фееріей ракетъ скользящаго съ Мефистофелемъ въ небесномъ паркетѣ! Я знаю — гвоздь у меня въ сапогъ кошмарнъй, чъмъ фантазія Гете!

Я,
златоустъйшій,
чье каждое слово
душу новородить,
именинитъ тъло,
говорю вамъ:
мельчайшая пылинка живого
цъннъе всего, что я сдълаю и сдълалъ!

Слушайте! Проповъдуетъ, мечась и стеня, сегодняшняго дня крикогубый Заратустра!

Мы съ лицомъ, какъ заспанная простыня, съ губами обвисшими, какъ люстра,

Мы, каторжане города лепрозорія, гдѣ золото и грязь изъязвили проказу,— мы чище венеціанскаго лазорья, морями и солнцами омытаго сразу!

Плевать, что нѣтъ
у Гомеровъ и Овидіевъ
людей, какъ мы,
отъ копоти въ оспѣ.
Я знаю—
солнце померкло бъ, увидѣвъ
нашихъ душъ золотыя розсыпи!

Жилы и мускулы — молитвъ върнъй. Намъ ли вымаливать милостей времени! Мы— каждый держимъ въ своей пятернъ міровъ приводные ремни!

Это взвело на Голговы аудиторій Петрограда, Москвы, Одессы, Кіева, и не было ни одного, который не кричалъ бы: "Распни, распни его!"

Но мнълюди,
и тъ, что обидъли—
вы мнъ всего дороже и ближе.
Видъли,
какъ собака бъющую руку лижетъ?!

Я, обсмъянный у сегодняшняго племени, какъ длинный, скабрезный анекдотъ,

Вижу идущаго черезъ горы времени, котораго не видитъ никто.

Гдѣ глазъ людей обрывается куцый главой голодныхъ ордъ, въ терновомъ вѣнцѣ революцій грядетъ шестнадцатый годъ.

А я у васъ—его предтеча; я—гдъ боль, вездъ; на каждой каплъ слезовой течи распялъ себя на крестъ.

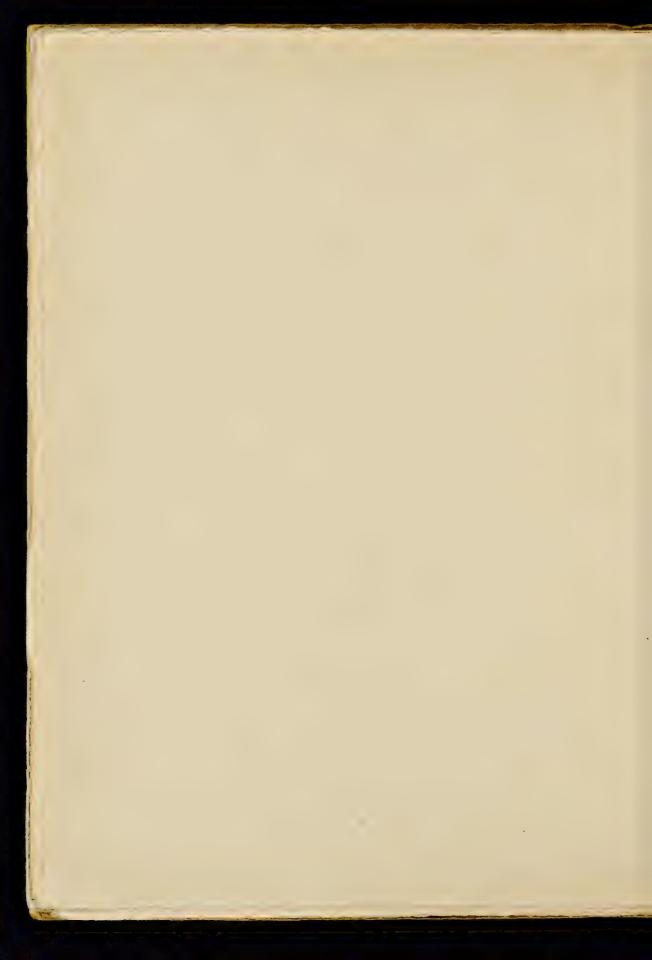
Уже ничего простить нельзя.

Я выжегъ души, гдѣ нѣжность растили. Это труднѣе, чѣмъ взять тысячу тысячъ Бастилій!

И, когда,

Приходъ его мятежомъ оглашая, выйдете къ спасителю— вамъ я душу вытащу, растопчу, чтобъ большая?! и окрававленную дамъ, какъ знамя.

III.

Ахъ зачѣмъ это, откуда это въ свѣтлое весело грязныхъ кулачищъ замахъ! Пришла, голову отчаяніемъ занавѣсила мысль о сумасшедшихъ домахъ.

И,—
какъ въ гибель дредноута
отъ душащихъ спазмъ
бросаются въ разинутый люкъ—
сквозь свой,
до крика разодранный, глазъ
лѣзъ, обезумѣвъ, Бурлюкъ.

Почти окровавивъ изслезенныя въки вылъзъ, всталъ, пошелъ,

И съ нѣжностью, неожиданной въ жирномъ человѣкѣ,

взялъ и сказалъ:

"Хорошо!"

Хорошо, когда въ желтую кофту душа отъ осмотровъ укутана! Хорошо, когда брошенный въ зубы эшафоту, крикнуть—
"Пейте какао Ван-Гутена!"

И эту секунду бенгальскую громкую я ни на что-бъ не вымънялъ, я ни на

Изъ сигарнаго дыма, ликерною рюмкой, вытягивалось пропитое лицо Съверянина.

Какъ вы смъете называться поэтомъ и, съренькій, чирикать какъ перепелъ!

Сегодня надо кастетомъ кроиться міру въ черепъ!

Вы,—
обезпокоенные мыслью одной—
"изящно пляшу ли"
смотрите, какъ развлекаюсь
я—
площадной
сутенеръ и карточный шулеръ!

Отъ васъ, которые влюбленностью мокли, отъ которыхъ въ столътія слеза лилась, уйду я, солнце моноклемъ вставлю въ широко растопыренный глазъ.

Невъроятно себя нарядивъ, пойду по землъ, чтобъ нравился и жегся, а впереди, на цъпочкъ, Наполеона поведу, какъ мопса.

Вся земля поляжетъ женщиной, заерзаетъ мясами, хотя отдаться; вещи оживутъ— губы вещины засюсюкаютъ: "цаца, цаца, цаца!"

Вдругъ и тучи, и облачное прочее подняло на небѣ невѣроятную качку, какъ будто расходятся бѣлые рабочіе, небу объявивъ озлобленную стачку.

Громъ изъ-за тучи, звѣрѣя, вылѣзъ, громадныя ноздри задорно высморкалъ, небье лицо секунду кривилось суровой гримасой желѣзнаго Бисмарка.

Кто-то, запутавшись въ облачныхъ путахъ, вытянулъ руки кафе, будто по-женски, нѣжный, какъ будто и будто бы пушки лафетъ.

Вы думаете это солнце нѣжненько треплетъ по щечкѣ кафе? Это опять, разстрълять мятежниковъ грядетъ генералъ Галифе!

Выньте, гулящіе, руки изъ брюкъ— берите камень, ножъ или бомбу, а если у котораго нъту рукъ— пришелъ чтобъ и бился лбомъ бы!

Идите, голодненькіе, потненькіе, покорненькіе, закисшіе въ блохастомъ грязненькѣ! Идите! Понедъльники и вторники окрасимъ кровью въ праздники!

Пускай землѣ подъ ножами припомнится кого хотѣла опошлить! Землѣ, обжирѣвшей, какъ любовница, которую вылюбилъ Ротшильдъ!

Чтобъ флаги трепались въ горячкъ пальбы, какъ у каждаго порядочнаго праздника—выше вздымайте фонарные столбы окровавленныя туши лабазниковъ.

Изругивался, вымаливался, ръзалъ, лъзъ за къмъ-то вгрызаться въ бока.

На небъ, красный, какъ марсельеза, вздрыгивалъ, околъвая, закатъ.

Уже сумасшествіе.

Ничего не будетъ. Ночь придетъ, перекуситъ и съвстъ. Видите — небо опять іудитъ пригоршнью обрызганныхъ предательствомъ звъздъ?

Пришла.
Пируетъ Мамаемъ,
задомъ на городъ насѣвъ.
Эту ночь глазами не проломаемъ
черную, какъ Азефъ!

Ежусь, зашвырнувшись въ трактирные углы, виномъ обливаю душу и скатерть и вижу: въ углу глаза круглы, глазами въ сердца въълась Богоматерь

Чего одаривать по шаблону намалеванному сіяніемъ трактирную ораву! видишь опять

Голгоонику оплеванному предпочитаютъ Варавву?

Можетъ-быть, нарочно я въ человѣчьемъ мѣсивѣ лицомъ никого ни новѣй.

Я, можетъ-быть, самый красивый изъ всъхъ твоихъ сыновей.

Дай имъ, заплъснъвшимъ въ радости, скорой смерти времени, чтобъ стали дъти, должныя подрасти, мальчики—отцы, дъвочки—забеременъли.

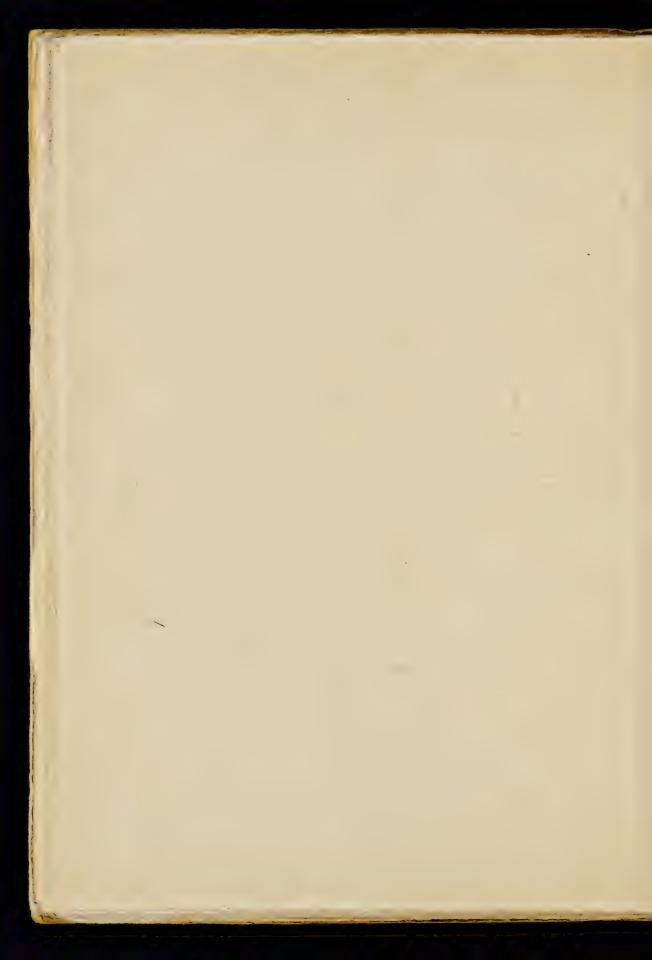
Новымъ рожденнымъ дай обрасти пытливой съдиной волхвовъ.

Придутъ они, будутъ дътей крестить именами моихъ стиховъ.

Я, воспъвающій машину и Англію, можетъ-быть, просто, въ самомъ обыкновенномъ евангеліи, тринадцатый апостолъ.

И когда мой голосъ
похабно ухаетъ—
отъ часа къ часу,
цълыя сутки,
можетъ-быть, Інсусъ Христосъ нюхаетъ
моей души незабудки.

IV.

Марія! Марія! Марія!
Пусти Марія!
Я не могу на улицахъ!
Не хочешь?
Ждешь,
какъ щеки провалятся ямкою,
попробованный всѣми,
прѣсный,
я приду
и беззубо прошамкаю,
что сегодня я
"удивительно честный".

Марія, видишь я уже началъ сутулиться. Въ улицахъ люди жиръ продырявятъ въ четыреэтажныхъ зобахъ,

высунутъ глазки, потертые въ сорокгодовой таскѣ, — перехихикиваться, что у меня въ зубахъ опять! черствая булка вчерашней ласки.

Дождь обрыдалъ тротуары, лужами сжатый жуликъ, мокрый, лижетъ улицъ забитый булыжникомъ трупъ;

а на сѣдыхъ рѣсницахъ—
да!
на рѣсницахъ морозныхъ сосулекъ
слезы изъ глазъ—
да!
изъ опущенныхъ глазъ водосточныхъ трубъ.

Всѣхъ пѣшеходовъ морда дождя обсосала, а въ экипажахъ лощился за жирнымъ атлетомъ атлетъ;

лопались люди, профвшись насквозь, — сочилось сквозь трещины сало, мутной рфкой съ экипажей стекала, вмфстф съ изсосанной булкой, жевотина старыхъ котлетъ.

Марія! Какъ въ зажиръвшее ухо втиснуть имъ тихое слово?

Птица побирается пъсней, поетъ, голодна и звонка; А я человъкъ, Марія, простой, выхарканный чахоточной ночью въ грязную руку Пръсни.

Марія хочешь, такого? Пусти, Марія! Судорогой пальцевъ зажму я желѣзное горло звонка!

Марія!

Звъръютъ улицъ выгоны, на шеъ ссадиной пальцы давки.

Открой!

Больно!

Видишь — натыканы въ глаза изъ дамскихъ шляпъ булавки!

Пустила.

Дѣтка!

Не бойся,
что у меня на шев-воловьей
потноживотныя женщины мокрой горою сидять,
это сквозь жизнь я тащу
милліоны огромныхъ чистыхъ любовей
и милліоны милліоновъ маленькихъ грязныхъ

любятъ. Не бойся, что снова, въ измѣны ненастье, прильну я къ тысячамъ хорошенькихъ лицъ, — "любящія Маяковскаго"! да вѣдь это жъ династія на сердце сумасшедшаго восшедшнхъ царицъ.

Марія, ближе!

Въ раздътомъ безстыдствъ, въ боящейся дрожи ли, но дай твоихъ губъ неисцвътшую прелесть:

я съ сердцемъ ни разу до мая не дожили, а въ прожитой жизни лишь сотый апръль есть.

Марія!
поэтъ сонеты поетъ Тіанъ,
а я,—
весь изъ мяса,
человъкъ весь—
тъло твое просто прошу,
какъ просятъ христіане
"хлъбъ нашъ насущный
даждь намъ днесь"

Марія—дай!

Марія! Имя твое я боюсь забыть, какъ поэтъ боится забыть какое-то въ мукахъ ночей рожденное слово, величіемъ равное Богу Тъло твое я буду беречь и любить, какъ солдатъ, обрубленный войною, ненужный, ничей, бережетъ свою единственную ногу.

Марія не хочешь? Не хочешь! Ха!

Значитъ—опять темно и понуро сердце возьму, слезами окапавъ,

нести, какъ собака, которая въ конуру несетъ переъханную поъздомъ лапу.

Кровью сердца дорогу радую, липнетъ цвътами пыли кителя.

Тысячу разъ опляшетъ Иродіадой солнце землю— голову Крестителя

И когда мое количество лѣтъ выпляшетъ до конца— милліономъ кровинокъ устелется слѣдъ дому моего отца.

Вылѣзу грязный (отъ ночевокъ въ канавахъ), стану бокъ о бокъ, наклонюсь и скажу ему на ухо: Послушайте господинъ Богъ!

Какъ вамъ не скушно въ облачный кисель ежедневно обмакивать раздобръвшіе глаза?

Давайте,—знаете устроимте карусель на деревъ изученія добра и зла!

Вездѣсущій ты будешь въ каждомъ шкапу и вина такія разставимъ по столу, чтобъ захотѣлось пройтись въ ки-ка-пу хмурому Петру Апостолу.

А въ раѣ опять посѣлимъ Евочекъ прикажи,— сегодня ночью жъ со всѣхъ бульваровъ красивѣйшихъ дѣвочекъ я натащу тебѣ. Хочешь?

Не хочешь? Мотаешь головою, кудластый? Супишь сѣдую бровь? Ты думаешь этотъ, за тобою крыластый знаетъ, что такое любовь?

Я тоже ангелъ, я былъ имъ— сахарнымъ барашкомъ выглядывалъ въ глазъ, но больше не хочу дарить кобыламъ изъ севрской муки изваянныхъ вазъ.

Всемогущій ты выдумаль пару рукь, сділаль, чтобь у каждаго есть голова,— отчего ты не выдумаль, чтобь было безь мукь ціловать?!

Я думалъ ты всесильный Божище, А ты недоучка крохотный Божикъ.

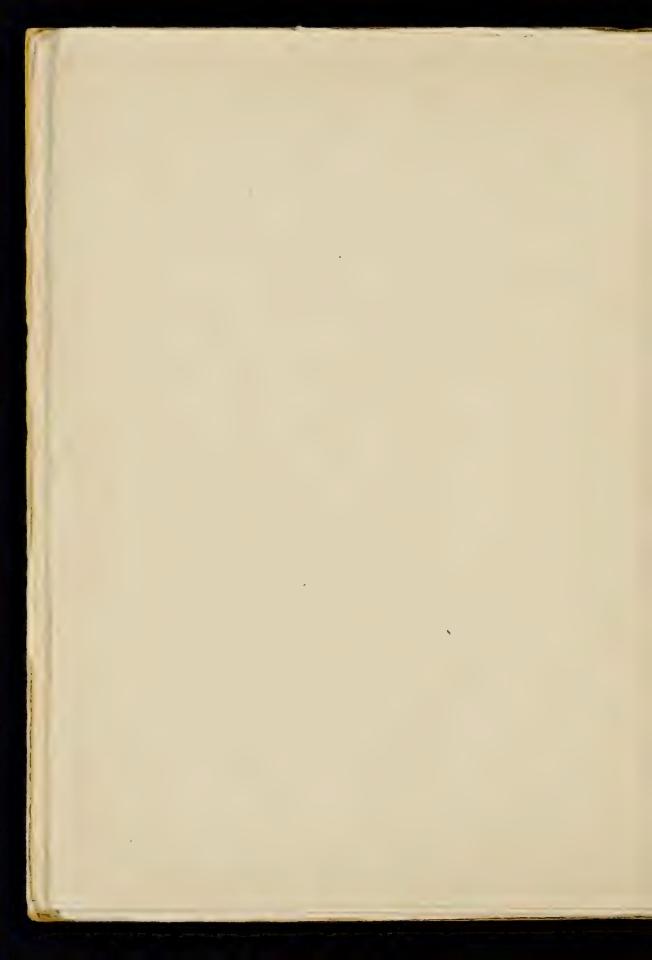
Видишь, я нагибаюсь, изъ-за голенища достаю сапожный ножикъ. Крыластые прохвосты! жмитесь въ раю. Ероште перышки въ испуганной тряскъ Я тебя пропахшаго ладаномъ раскраю отсюда до Аляски.

Пустите!

Меня не остановите.
Вру я,
въ правъ ли,
но я не могу быть спокойнъй.
Смотрите—
звъзды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!
Эй вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

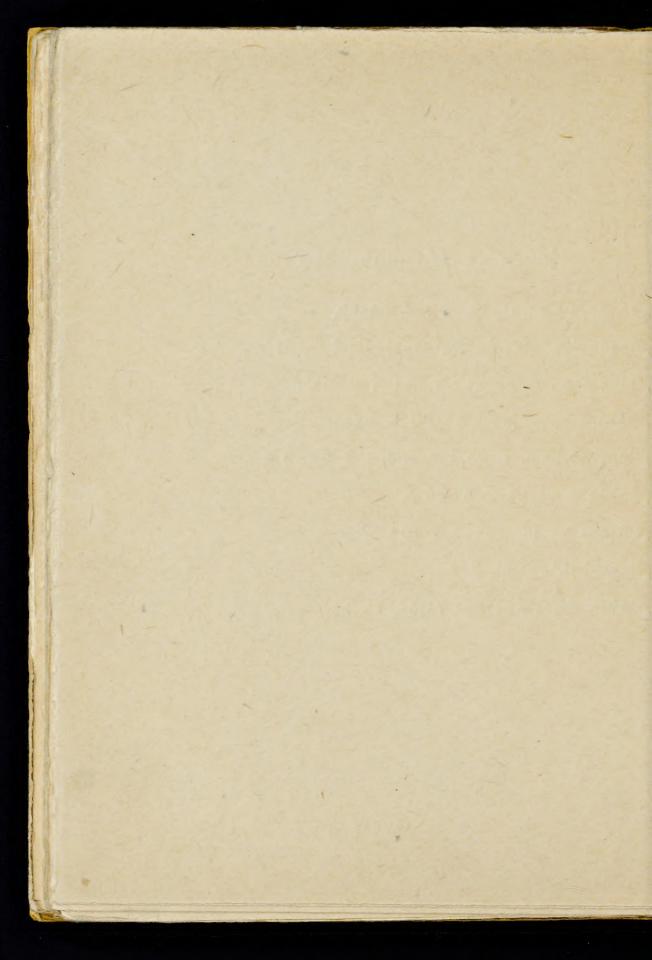
Глухо.

Вселенная спитъ, положивъ на лапу съ клещами звъздъ огромное ухо.

Книги В. Маяковскаго.

- "Я" стихи литограф. 50 н. распр.
- "Владиміръ Маяковскій" трагедія 1 р. распр.
- "Облано въ штанахъ" 1 изд. 1 р. распр.
- "Флейта позвоночника" 50 к. распр.
- "Простов нанъ мычанів" сборн. 1 р. 50 н.
- "Война и міръ" 2 р. 25 к.
- "Облано въ штанахъ" 2 изд. 2 р.
- "Человѣкъ" вещь 2 р.
- "Кофта фата" сатира готов. къ печ.

SPECIAL 88-B

GETTY CENTER LIBRARY

изд.